

АЛЕКСЕЙ ТОЛСТОЙ
КУКУШКИНЫ СЛЕЗЫ

ЛИТрес.ру

Алексей Николаевич Толстой

Кукушкины слезы

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23813026
Кукушкины слезы: ФТМ; Москва; 2017
ISBN 978-5-4467-2124-5

Аннотация

Главные герои этой пьесы не виделись много лет. Она скрывает, что не так уж и преуспела как актриса и устала от непрерывных гастролей, а он – что на самом деле нищ. Дружья героя приходят ему на выручку, помогают деньгами, пытаются создать вокруг атмосферу роскоши и радости, но обман быстро раскрывается...

Содержание

Действующие лица	4
Действие первое	5
Действие второе	22
Действие третье	39
Действие четвертое	52

Алексей Толстой
Кукушкины слезы
Комедия в четырех
действиях

Действующие лица

Марья Петровна Огнева – актриса.

Степан Александрович Хомутов – ее муж, разорившийся помещик.

Дмитрий Иванович Яблоков – его друг, тоже из разорившихся мелких помещиков. Человек пожилой.

Давыд Давыдович Бабин – богатый землевладелец из крестьян.

Наталья Владимировна Бельская – сирота, живет в собственном доме, в уездном городе.

Шавердов – почтмейстер.

Анюта.

Дарья.

Гармонист.

Два мужика.

Действие происходит в уездном городке, в начале июня.

Действие первое

Низкая комната, грязь и нищета. Окно и две двери, одна выходная, другая в чулан. Хомутов лежит на кровати. Яблоков у стола ест. Из двери высовывается почтмейстер.

Почтмейстер. Яблоков, поди-ка сюда.

Яблоков. Да ну тебя.

Почтмейстер. Иди, говорю: получена невероятная телеграмма.

Яблоков. Все ты врешь, братец мой, целый день врешь.

Почтмейстер. Да ты выдь-ка.

Яблоков (*переставая есть*). А что такое?

За дверью звонок.

Почтмейстер. Погоди, сейчас приду. (*Скрывается.*)

Яблоков. Ходит и врет. Всякие шутки выдумывает. Никто ему не верит. А может, и правда какая-нибудь телеграмма пришла? (*Бросает ложку.*) Так, брат ты мой, туго нам, как никогда не бывало. Что делать? А?

Хомутов молчит.

Яблоков. Чего ты валяешься?

Хомутов молчит.

Слушай, князь Хованский опять про тебя спрашивал. Ему нужен управляющий, который бы не крал; хоть дурак, только бы не вор. Ты как об этом думаешь? А?

Хомутов. Отстань, пожалуйста, от меня.

Яблоков. То есть как отстань? Объясни мне, пожалуйста – как это я от тебя отстану? *(Совершенно рассердился.)*
Бездельник, лежебока.

Хомутов. В управляющие я не пойду, – и уж сказал.

Яблоков. Нет, ты мне объясни, – почему ты в управляющие не пойдешь?

Хомутов. Так.

Яблоков. То есть как это так?

Хомутов. Так, не желаю ничего делать. Мне жить надоедо. Что ты ко мне пристал?

Яблоков. Неврастеник несчастный!

Хомутов. Если тебе понадобились деньги – иди сам в управляющие.

Яблоков. Как же это я так – возьму и пойду в управляющие, хотел бы я знать... Кто это меня возьмет в управляющие – хотел бы я знать... Ах! Давеча у судьи в девятку играли, я думаю: что такое карты? Случай, удача. Рискнуть?.. А?.. И только хотел было рискнуть, карты в руках вот так и заходили, судья глядит и смеется... Что, брат, говорит, руки стали дрожать?.. И все через тебя я черт знает кем стал.

Хомутов. Извини, если тебе очень трудно меня кормить.

Яблоков. Перестань.

Хомутов. Ссоримся, суетимся. А умрем все равно в назначенный срок. Все уйдем в космос.

Яблоков. Куда?

Хомутов. К черту.

Яблоков. Что это за манера жалкие слова говорить. Иди умойся. Наташа сейчас придет.

Хомутов. Зачем? (*Встает с постели.*)

Яблоков. По делу.

Хомутов идет в чулан, и слышно, как там фыркает водой.

Давыд Давыдович опять ей руку и сердце, – с предложением...

Хомутов (*из чулана*). Давыд Давыдович красив и богат. Что же...

Яблоков. Представь – она опять отказала. Он все векселя ее отца, Царствие Небесное, скупил и векселями ее теснит, силой хочет заставить. Вот мужицкая-то кровь где сказалась! Только не на такую нарвался: Наташа девчонка, девчонка, а характер! Ну, а если я за дело взялся – он на ней женится.

Хомутов. Еще бы.

Яблоков. Анютку знаешь, дьячкову дочь?

Хомутов. Знаю.

Яблоков. Сейчас Давыд Давыдович с Анюткой по бульвару гуляет перед Наташиными окнами. Понял?

Хомутов. Нет.

Яблоков. Это мой новый план. Удар по самолюбию. Знаешь, у меня полна голова разных планов. Применить их не к чему, вот горе.

Входит почтмейстер.

Ты опять врать пришел?

Почтмейстер (*громко*). Нет, я врать бросил, нынче я за барышнями ухаживаю. (*Манит Яблокова пальцем.*)

Яблоков. Ну?

Почтмейстер (*тихо*). Телеграмма.

Яблоков. От кого?

Почтмейстер (*подавая телеграмму*). У меня даже в ушах зазвенело.

Яблоков (*прочтя, вскрикивает*). Ради Бога, молчи, ничего ему не говори.

Почтмейстер. Вот это сюрприз.

Яблоков. Удар.

Почтмейстер (*указывая на чулан*). Ты говоришь – я вру, а он до чего доврался.

Яблоков. С ним удар может случиться. Надо подготовить. Я начну издалека.

В дверь стучат.

Войдите!

Входит Наташа.

Наташенька, голубушка моя, ручку.

Наташа. Здравствуйте, Дмитрий Иванович, я к вам по делу.

Почтмейстер. Наталья Владимировна, а у нас необыкновенное происшествие...

Яблоков (*показывал Наташе телеграмму*). Вот, не угодно ли прочесть, что преподнесли.

Почтмейстер. На что я хладнокровный скептик, а как

прочел – даже икать стал... извиняюсь.

Наташа (*прочитав телеграмму*). Боже мой, что же вы будете делать?

Яблоков. Тсс... Главное, необходимо его подготовить... Степан!

Хомутов (*из чулана*). Да, да.

Почтмейстер. Моется, извиняюсь.

Наташа. Дмитрий Иванович, я пришла за помощью.

Яблоков. Батюшка ваш покойный, Царствие ему Небесное, когда умирал – говорил: помни, Дмитрий, поручаю дочь мою тебе. И я прежде всего ваш слуга-с, да. Рассказывайте, что еще за беда?

Наташа. Давыд Давыдович...

Яблоков. Мужик, купчина, кулачище...

Почтмейстер. Митя, ты выражаешься.

Наташа. Завтра срок одному векселю.

Яблоков. А велик вексель?

Наташа. Двести рублей.

Яблоков. Эх, деньги! Где же их достать! Просить нужно, пускай перепишет.

Наташа (*взволнованно*). Ах, нет! Я ничем не хочу быть обязанной Давыду Давыдовичу. Не желаю просить. Ни за что! Если бы знали, как мне важно заплатить именно в срок.

Яблоков. Дом опишет?

Наташа. Нет же. Не это...

Яблоков. Значит, нужно к завтраму достать двести руб-

лей. Я еще не могу ясно сообразить, но уже что-то мерещится.

Входит Хомутов и здоровается.

Хомутов. Здравствуйте, Наташа. Спасибо, что не побрезговали нами.

Наташа. Перестаньте, Степан Александрович.

Почтмейстер (*Яблокову*). Начинай.

Яблоков. Степан...

Хомутов. Что?

Яблоков. Скажи, пожалуйста, есть у тебя жена?

Хомутов. Да.

Яблоков. Где она сейчас?

Хомутов. Я не знаю! Где-нибудь...

Яблоков. Она актриса?

Хомутов (*все более удивляясь, тревожно*). Да, моя жена актриса.

Яблоков. Скажи, пожалуйста, сколько лет ты не видел свою жену?

Хомутов. Я не видел Машу пять лет... Мы расстались... Ты же знаешь все это... Слушай, зачем ты вдруг?.. Несчастье случилось?

Яблоков. Никакого несчастья, не тараци глаза, успокойся....

Хомутов. Вы получили известие?

Яблоков. Да...

Хомутов. Какое известие?.. Наташа, ради Бога... Ах да,

наверно, опять просит выслать немного денег. Бедняжка! *(Наташе.)* Маша особенная женщина, она любит все изящное и необыкновенное. У меня никогда не хватало духу решиться написать ей, что я вот такой. Пусть думает все что угодно, только не это. Если она узнает, что я нищий, — я знаю, простит, будет жалеть... Но именно этого-то я и не хочу. Ради бога, что вы получили от нее? Я как-то писал Маше, что служу... Я лгал ей все время, все пять лет. Я ревновал ее, оскорбил, бросил... Я разорился, стал вот таким... Она не должна меня прощать... Покажите...

Яблоков. Подожди. Значит, твоя жена думает, что ты богат, у тебя в городе дом и все тебя уважают?

Хомутов. Да, она, наверно, так и думает.

Яблоков. Прочти телеграмму.

Хомутов. Телеграмма? *(Читает.)* «Завтра приезжаю на три дня, встречай почтовым. Маша»... Маша...

Яблоков. На три дня, на три дня приезжает. Тут написано...

Наташа. Бедный Степан Александрович.

Почтмейстер. Ну, знаешь, твоя жизнь прямо биография.

Хомутов. Зачем приезжает Маша?

Яблоков. А затем, что здесь богатый муж, свой шикарный дом, положение... Эх ты...

Почтмейстер. Однако у вас здесь хлев, кроме шуток.

Хомутов. Принять Машу здесь! Нет. Скажите ей, что я куда-нибудь уехал... *(Идет к двери.)*

Яблоков (*удерживает его*). Подожди, мы что-нибудь придумаем.

Хомутов. Что ты придумаешь – какую-нибудь глупость.

Яблоков (*стучает ему пальцем по лбу*). Завтра в три часа придет твоя жена, понял?

Хомутов. Нет... невозможно.

Наташа. Степан Александрович, привезите вашу жену ко мне в дом.

Яблоков. Ну вот об этом-то я и хотел говорить. Спасибо, Наташа.

Наташа. Мы можем сказать, что это ваш дом, хомутовский.

Яблоков. Именно. На Степана наденем фрак. Встретим актрису шампанским. Надо же показать, как мы к искусству относимся! Грибами обросли! Да я цыганский табор притащу! Штопором по городу пройду! Вот жизнь!

Почтмейстер. Я слышал – актрисы разговаривают промеж себя исключительно анекдотами. Эту часть вы мне предоставьте.

Яблоков. Разговаривай, почтмейстер, вали в мою голову!

Хомутов. Еще раз обмануть, так цинично, так грубо...

Яблоков. Да, и обманем, Степан Александрович, в чистом виде, так что комар носу не подточит.

Почтмейстер. А когда к нам губернатор приезжал – насажали же мы фальшивых деревьев на площади и получили благодарность.

Хомутов. Да ведь денег у нас нет... Какой ты, Митя, право... жестокий человек.

Яблоков. Да, денег на это нужно много. Денег нет!

Хомутов. Как здесь накурено, как гнусно! *(Хватает шапку.)* Одним словом... *(Быстро уходит.)*

Яблоков. Куда? *(Почтмейстеру.)* Иди за ним... утопится... ей-богу, утопится... я его знаю.

Почтмейстер. Пустяки. Ни на что решительное он не способен. *(Уходит.)*

Наташа. Ах, боже мой, как грустно.

Яблоков. Нельзя ли продать чего-нибудь из старого?

Наташа. Дмитрий Иванович, теперь вам не до меня, прощайте, голубчик. Пускай – будет что будет. *(Идет к двери.)* Ужасно неприятно, что всего этого легко избежать... Но Давыд Давыдович пускай и не ждет от меня словечка, так ему и передайте.

Яблоков *(который до этого грыз ногти)*. Наташа, у меня идея пришла. Ах, какая вы, право, вам бы вскочить и убежать. Садитесь. Слушайте.

Наташа. Ну?

Яблоков. Едет актриса. Так? Нужно ее принять с помпой. Иначе – скандал. Нужны деньги. Так? Теперь – Давыд Давыдович любит вас без памяти, об этом весь город знает.

Наташа. А мне какое дело. А кто ему позволил меня любить! Как смеет любовь эту мне навязывать?! Угрожать!

Яблоков. Да ведь он с отчаяния за векселя ухватился. Его

пальчиком поманить, только пальчиком, он нас деньгами завалит.

Наташа. Что? Что?

Яблоков. Намекнуть: не отчаивайся, мол. Только намек. Хотите, это я даже могу намекнуть.

Наташа. Я. должно быть, плохо вас понимаю.

Яблоков. Я говорю – схитрить нужно. Хитрости-то с мизинчик... Ведь Давыд Давыдович от радости ума решится, а Степана спасем от смерти! А деньги мы потом ему отдадим, честное слово дворянина, отдам.

Наташа. Какой вы дурак!

Яблоков. И дурак, и свинья, и прохвост! Наташа, раз в жизни закройте глаза и сделайте подлость. А потом удивительно приятно бывает: Господи, больше никогда не буду так поступать. Вроде как на полкѣ веником...

Наташа, не прощаясь, поворачивается, идет к двери.

Ну, я виноват, виноват. *(Хватается за нее.)*

Наташа. Оставьте меня, Дмитрий Иванович.

Яблоков. А может быть, только маленькое словечко ему скажу.

Наташа. Пустите платье...

Яблоков. Бейте, до смерти! Не пущу...

Быстро входит Давыд Давыдович Бабин и, хлопнув дверь, держит ее за ручку.

Бабин (Наташе). Извините, не знал, что вы здесь.

Яблоков. Давыд Давыдович, голуба моя, вот кстати...

Наташа (*Бабин*). Позвольте мне пройти.

Бабин делает жест ужаса.

Бабин. Невозможно!

Дверь дергают.

Отворить никак нельзя.

Голос Анюты за дверью: «Нет, голубчик, отворишь».

Ах, мерзкая!

Наташа (*внезапно засмеялась*). Давыд Давыдович, разве можно так обращаться с девицами, впустите ее. Анюта, войдите, я вас не съем.

Бабин, махнув рукой, отходит в глубину комнаты. Появляется Анюта, сердитая, дикая девушка, глядит исподлобья.

Яблоков. Анюта!

Анюта. Вот, вошла.

Наташа. Здравствуйте, Анюта. (*Подает ей руку.*) Давно вас не видно, хоть бы на минутку забежали. Какая стала красавица! А я уезжаю скоро, Анюта, совсем. Прощайте. (*Кланяется, не замечая Бабина, и уходит.*)

Яблоков (*проводя Наташу*). Я к вам все-таки забегу. (*Возвратясь от двери, Анюте.*) Ты зачем в дом ломилась?

Анюта. Ломилась, я с кавалером пришла.

Яблоков. Какой он тебе кавалер, молчала бы лучше.

Анюта. Влюбилась в него, вот какой кавалер. Я об нем третий год думаю.

Яблоков. Бесстыдница!

Анюта. Какой мой стыд, когда папаша меня за косы за дверь выволок. *(На Бабина.)* Пускай он женится.

Бабин. Лучше женюсь на козе.

Анюта. Как вам будет угодно.

Яблоков *(Анюте)*. Да не женится он, путается только для отвода глаз.

Анюта. Как это для отвода глаз?

Яблоков. У меня такой план, чтобы вас с ним кое-кто видел на бульваре. Поняла? А ты уж обрадовалась. Иди домой.

Анюта. Нахально разговариваете.

Бабин. Анюта, прости меня, пожалуйста, уйди лучше, у нас разговор сейчас будет секретный.

Анюта. Послушаю.

Бабин. Мало, что ты меня навек сейчас опозорила. Не лезь в мою жизнь, выкину!

Анюта. Испугалась.

Бабин. Анюта, все, что я тебе говорил, все спьяну. Не тебя люблю и не через тебя мучаюсь. Брошу тебя по одному словечку, сама знаешь кого. Опозорю и кину, как рвань.

Анюта. Голубчик, такие слова не забуду. Ты меня, видно, плохо знаешь. Тебе живым не быть за такие слова.

Бабин *(тихо)*. Уйди! *(Берет себя за ворот рубашки и разрывает ее до подола.)* Уйди...

Анюта. Убей, убей, – ну?

Яблоков *(хватает Анюту, толкает к двери)*. Смертоубийство еще с вами тут будет. Поди, поди, моя цыпочка.

(Затворяет за ней дверь, возвращается.) Ну, у тебя характер, Давыд Давыдович! Отдышись, успокойся. Хочешь водички?

Бабин. Да, Митя, плохо мое дело. Не надо было тебя слушать. Теперь о Наталье Владимировне и думать даже напрасно. Конец.

Яблоков. Ну, разумеется, я всегда виноват. Придумал я хорошо, да ты ни к чему не годен. Наташу нужно заставить ревновать, вот мой план. А ты что делаешь: с векселями на нее навалился. А сейчас – что это была за сцена? Я велел тебе прогуляться с Анютой, держать себя независимо, несколько вызывающе, рассчитывал на укол самолюбия. А ты весь день таскаешь Анютку по городу, как гулящую девку, и вид у тебя весь какой-то нелепый.

Бабин. Митя, что мне делать?

Яблоков. А я почему знаю. Женись на Анютке, сиди в лавке, торгуй дегтем.

Бабин. Рассчитывать, значит, не на что, так... Совсем недавно стояли мы с Натальей Владимировной на балконе, я осмелел и взял ее за руку, она ничего, руку не отняла и сама усмехнулась так дивно! Неужели никакой надежды, Митя?

Яблоков. Отдай ей твои паршивые векселя. Передай мне, я отнесу.

Бабин. Отдать?

Яблоков. Давай.

Бабин. Нет! Какая моя сила – одни деньги. Тут хоть по

делу к ней зайдешь на минутку, а то она и как звать-то меня забудет.

Яблоков. Послушай, мог бы ты мне дать взаймы пятьсот рублей до пятницы? Я отдам.

Бабин. Я тебе сказал: женюсь на Наталье Владимировне – озолочу, а так целкового не дам, – мое слово крепко.

Яблоков. Ну да, я понимаю.

Бабин. Плохой ты советчик. Путаешь, путаешь, бессовестный. Пришибить тебя давно пора.

Яблоков. Подожди, давай говорить серьезно. План с Анюткой потерпел фиаско, признаюсь. Но ты пойми: Наташа тебя любит.

Бабин (*вскрикивает*). Оставь! Замолчи!

Яблоков. На тонкую игру ты не способен, я вижу. Слушай – завтра приезжает Степанова жена, актриса. Блондинка, понимаешь, гранд-коклет. В Париже не найдешь такой бабы, ей-богу... Шик, – вся в шелку...

В окне показывается Хомутов, слушает и проходит в направлении к двери.

Вот тут-то тебе и нужно действовать. Развернись. Покажи натуру. На тройках катай актрису, пои шампанским, денег не жалей ни на что! Тряхни черноземом, чтобы во всем уезде рты поразинули. Ну, уж если тогда Наташа останется к тебе равнодушной – можешь мне голову откусить.

Бабин. Развернуться я могу... Ну а дальше-то что?

Яблоков. Наташа, конечно, обозлится сначала, потом

представится, что ей все равно. Потом реветь начнет. Самолюбие женское, кровь молодая. Увидит, что зверь-то от нее уходит – тут она гордость-то свою зубами заест. А ты, смотри, только эту минуту не прозевай: моментально всем кутежам – точка, и ягненочком к Наталье Владимировне – в ножки бух... Будь я проклят!

Бабин. Ох, Митька, топишь ты меня...

Яблоков. Наташа горда, как бес! Вот причина. Ее нужно разжечь, чтобы или в воду, или тебе на шею.

Бабин. Но как же так с незнакомой женщиной... Кутить... Комедь ломать... Мне противно...

Яблоков. Велик труд нашел с актрисой шампанское пить. Эх ты – тетеря.

Бабин. Да если опять хуже выйдет?

Яблоков. Все равно, брат, хуже некуда. А уж если и не выйдет ничего, по крайней мере время проведем и выпьем, – понимаешь...

Бабин. Постой... А Степан? Ведь это жена его.

Яблоков. А мы так сделаем: дня три дадим супругам понежиться, а потом под каким-нибудь предлогом отправим Степана к тебе на хутор.

Бабин. Какой ты все-таки дрянной человек.

Яблоков. Да, действительно ты выражаешься.

Бабин. Сколько тебе за сводничество?

Яблоков. Я собой не торгую.

Входит Хомутов. Яблоков поспешно.

Пятьсот. Пока только пятьсот.

Бабин (*достает деньги*). Все равно как с горы качусь. На! Пропадать! Прощай. (*Уходит.*)

Хомутов. Ну?

Яблоков. Денежки нам дали. Вот жену твою и встретим. Ты рад, а?

Хомутов. Отдай деньги назад!

Яблоков. Зачем?

Хомутов. Отдай деньги, я тебе приказываю.

Яблоков. Это что за тон.

Хомутов. Отдашь!

Яблоков. Я ему благодетельствую... Я расшибаюсь... А он... Да кто ты такой? Ничтожество! Что прикажу, то ты и будешь делать.

Хомутов. Вот когда ты меня попрекнул. Так на же тебе. (*Срывает с себя пиджак и шапку, бросает на пол.*) Я – нищий... А я пойду пешком за две станции. Дождусь поезда и Машу предупрежу. Ты ее, несчастную, беззащитную, за деньги продаешь. Я не позволю! Ты увидишь, на что я способен....

Яблоков. Степа, как ты шуток не понимаешь. Мало ли что говорится, когда дают деньги. Притом Давыд Давыдович будет очень сдержан с ней первые три дня, она же только три дня и пробудет. Понял? (*Смеется.*)

Хомутов. Врешь.

Яблоков. Ну, хорошо, иди предупреждай. А она возьмет

тебе и скажет: Степан Александрович, дай-ка мне денег, я в дороге издержалась! Да прокати меня на тройке, с шампанским, мы, мол, актрисы, привыкли на тройках... Да спросит, почему ты такой ободранный, в опорках. Стало быть, все ложь? Все лгал! Ввел жену в ложное положение, в дорожные издержки. Возьми деньги, отдай, предупреди. Ничтожество! Куча грязных тряпок! Лгунишка!

Хомутов. Господи Боже мой!

Яблоков. Завтра ты у меня рожу свою перекроишь на веселую. Да! И сразу я тебя жене не покажу, я тебя выдержу, пока не обойдешься. Ты врать будешь и притворяться, как я велю. Ты у меня еще и фрак наденешь. Понял?

Хомутов. Понял! Все понял.

Яблоков. Голова лопается, сколько дел! Сначала вот что: идем к портному. Ну, пошевеливайся... *(Тащит его с постели за рукав.)*

Занавес

Действие второе

Зала с колоннами. Налево дверь во внутренние комнаты. Прямо двери на балкон и в сад. Направо маленькие хоры, под ними дверца. В глубине направо входная дверь. До поднятия занавеса слышен голос Яблокова: «Тащи его, тащи на себя. Да поверни его, поверни боком. Не так. Стой! Стой!» Слышен треск, занавес поднимается. На хорах два мужика ставят органчик. Посреди зала, задрав голову, Яблоков.

Яблоков. Грохнули! Черти окаянные! На чем мне теперь играть? Ставь его к стене. Да легче! Не лезь в нутро, ручищами-то не лезь.

Покуда мужики ставят орган на место и затем уходят, Яблоков кидается к Дарье, которая принесла портрет, влезла на стул и хочет повесить.

Не так, баба. Переверни его. Еще поверни. Что же ты его кверху ногами вешаешь! Ведь это генерал. Слезай! Теперь все, кажется. Дарья, подойди ко мне.

Дарья. Что, батюшка?

Яблоков. Смотри у меня, баба! Разговаривай, как я тебя учил: дом этот Степана Александровича Хомутова, и все это его, поняла?

Дарья. Поняла.

Яблоков. Наталья Владимировна живет только здесь, комнату снимает, и она тебе не барыня, поняла?

Дарья. Поняла.

Яблоков. Ты здесь в дому с малолетства, грудью Степана Александровича выкормила, и зовут тебя не Дарья, а Домнушка, поняла?

Дарья. Поняла.

Яблоков. Ступай неси посуду.

Дарья. Барин...

Яблоков. Что еще?

Дарья. Ведь меня Дарьей зовут...

Яблоков. А вот я стукну по твоей глупой голове, тогда поймешь, как тебя зовут! Поняла?

Дарья. Поняла, поняла, батюшка.

Яблоков. Накрывай стол. Да чтоб у меня самоваров этих не было.

Дарья. А как же гостья если с дороги захочет чаю?

Яблоков. Гостья ничего, кроме шампанского, не захочет.

Дарья уходит.

(Перед зеркалом.) Хорошая поддевка, отличная поддевка, совсем как на меня сшита.

Входит гармонист.

Тебе что?

Гармонист. Пришел я.

Яблоков. Музыкант?

Гармонист. Очень даже музыкант. Звали, – вот пришел.

Яблоков. Лезь на хоры, на органе будешь играть.

Гармонист. На органе нам неудобно.

Яблоков. Когда я скажу: «музыка», верти его за ручку, он сам заиграет.

Гармонист. Ладно. Только я рядился – когда играть, пиво чтобы пить, это обязательно. (*Ушел на хоры.*)

Яблоков. Батюшки, седьмой час, Домна! Эй, баба!

Дарья появляется.

Поезд опаздывает на три часа. Я бегу на вокзал. Как только услышишь свисток – наливай бокалы и жди. (*Указывает ей на голову.*) Это что у тебя?

Дарья. Повойник.

Яблоков. Чепчик, чепчик надень, Вернусь – голову оторву (*Уходит.*)

Дарья. Чепчик? А где я возьму чепчик!..

Гармонист (*с хор*). Свадьба, что ли, у вас предполагается?

Дарья. Какая там свадьба. Прибежал этот вот утром, барышне моей двести целковых сунул, и сам – на чердаки, по чуланам, тащит все, переставляет, гвозди колотит.

Гармонист. С чего же это он обрадовался?

Дарья. Барышня моя вот деньгам-то обрадовалась, парень. Из дому убежала и чаю не пила. Дом-то теперь больше не наш, ей-богу. И меня, милый человек, по-другому зовут. Кого теперь слушаться, кому служить?

Гармонист. А кто на тебя шибче закричит, тому и служи.

Дарья. Спасибо, милый человек, надоумил.

Гармонист. Тетка, протяни-ка мне вот ту бутылку, что

подлиннее.

*Дарья подает ему бутылку, в это время появляются **Наташа** и **Бабин**.*

***Гармонист** скрывается за арку, что на хорах, **Дарья**, захватив тарелки, тоже уходит.*

Наташа. Вас никогда нельзя застать дома. Я два раза забегала в лавку, была в конторе и у амбаров. Где вы пропадаете?

Бабин. Я маловато занимаюсь теперь делами, это верно.

Наташа. Где вы были? Садитесь.

Бабин. Утром в степь ездил на хутор, честное слово...

Наташа. Да мне-то все равно, где вы были и с кем...

Бабин. Наталья Владимировна, вы насчет вчерашнего поведения моего? Выслушайте меня. Не виноват перед вами ни в чем...

Наташа. Не виноват? *(Смеющимися глазами смотрит на него, он, уверяя, прикладывает руку к груди.)* А мне не нравится, когда мужчина ни в чем не виноват...

Бабин. Нет, что же, я все-таки...

Наташа. Может быть – очень виноват?

Бабин. Это вы про что?.. *(Взглядывает в ее смеющиеся глаза, опускает голову.)* Кругом виноват... Понимаю... Наталья Владимировна, так ведь отчего же это происходит?.. Я бы, кажется... Да нет... Говорить не умею.

Наташа. Не находите странным, что я искала вас все утро и привела сюда?

Бабин. Нахожу...

Наташа. Ах, вы находите... И, конечно, поняли, что я по вас необыкновенно соскучилась... Или, может быть, ревную к Анютке? Ну?

Бабин. Ненавидите вы меня, Наталья Владимировна!..

Наташа. Не знаю, – пожалуй, угадали...

Бабин. Да... Угадать нетрудно...

Наташа (*резко*). Позвала вас вот зачем... При вас папин вексель, сегодняшний? Дайте-ка...

Бабин (*поспешно доставая*). Сию минуту. (*Подает.*)

Наташа (*вынимает деньги*). Двести рублей. Получайте... (*Берет вексель и рвет.*) Давыд Давыдович, я мою жизнь устрою, как я захочу, а не как хотят другие... Запомните хорошенько...

Бабин. Покорно благодарю. (*Прячет деньги.*) Только вы напрасно беспокоитесь. Векселями вас принуждать не будем... (*Вынимает векселя.*) Чтобы вам спать спокойно, не трудиться меня разыскивать... Порвем-с... (*Рвет векселя на мелкие куски, бросает на столик, уходит в сад.*)

Наташа. Что вы делаете?! Как вы посмели?! Какая глупость!..

Бабин (*в дверях*). Не угодил, – простите...

Наташа. Ненавижу вас... Вы грубиян!..

Бабин. Да уж у меня теперь сердце с цепи сорвалось, – не осудите...

Уходит и в то же время из парадной двери появляется

Хомутов.

Хомутов. Приехала.

Наташа. Смотрите – разорвал все, на мелкие кусочки! Грубый, невероятный, жестокий человек. Пускай сам теперь подбирает. Никакого великодушия... просто самодурство...
(Прикусила губу с досады.)

Хомутов. Он очень тяжелый человек. Его нужно опасаться. Наташа, они задумали отнять у меня Машу.

Наташа. Я сама должна позвать. А до тех пор жди терпеливо. Я не кукла.

Хомутов. Она мало изменилась. Гляжу, стоит на площадке, платье в клеточку, поезд подходит, и вдруг – глаза наши встретились, я сейчас же спрятался в палисаднике. Через кусты видел, как она стояла на перроне с букетом, нюхала его и смеялась. Митя, почтмейстер, начальник станции и телеграфист держали бокалы и вдруг закричали «ура!» Я убежал.

Стук экипажа.

Наташа. Вот они, кажется, подъехали. Идите встречайте.

Хомутов. Нет, я не покажусь! Я не смею. Я должен услышать сначала ее голос, привыкнуть немного... Иначе сейчас же ей все открою, скажу – уезжай... Наташа, я вам объясню их план: Митя уговорил Давыда Давыдовича кутить с Машей.

Наташа. Вот как... Я этого не знала.

Хомутов. Наташа, вы никому не говорите. Я стану за этой дверкой и буду слушать. Митя думает, что я до вечера ушел

В степь.

Голоса, шаги.

Пожалуйста, не выдавайте меня.

Поспешно уходит за маленькую дверцу, что под хорами.

Пробегают Дарья. Появляется почтмейстер с букетом.

Почтмейстер. Встретили, – туалет, шляпа – умопомраченье. *(Кланяется входящим.)*

Входят Огнева и Яблоков.

Яблоков. Милости просим, Марья Петровна, не споткнитесь о порог.

Почтмейстер. Еще раз – ура!

Огнева. Дорогое, родимое гнездо. Как стильно!

Яблоков. Все до последнего гвоздя в стиле ампир.

Огнева *(кланяется Наташе).* Здравствуйте.

Яблоков. Это племянница.

Огнева. Чья племянница?

Яблоков. Наша.

Огнева. Познакомимся, моя прелесть.

Наташа *(сухо).* Здравствуйте.

Яблоков *(Наташе поспешно).* Вот, Наташенька, к нам и хозяйюшка пожаловала.

Наташа. Очень рада. *(Повернулась и ушла.)*

Огнева. Она дикарка?

Яблоков. Она у нас дурочка, заговаривается: несчастная любовь.

Дарья. Здравствуйте, матушка барыня.

Яблоков (*благодарушно*). Это Домнушка, нянька.

Огнева. И даже старая няня, ну что же это такое?

Яблоков. Домнушка, неси бокалы.

Домна уходит и приносит бокалы, на хорах появляется музыкант.

Огнева. Здравствуй, милый дом!

Яблоков. Пожалуйте за стол, Марья Петровна. С дороги проголодались. И мы, по правде сказать, до смерти голодны.

Садятся.

Почтмейстер. Желудок присоединяется к всеобщему торжеству.

Огнева. Никогда, никогда не забуду сегодняшней встречи. Я растрогалась до слез...

Яблоков. Все кричат – медвежий угол! А мы столице не уступим. Для нас искусство – все! Пожалуйста, ветчинки.

Огнева. В Баку, помню, меня тоже принимали. Молодежь хотела выпрячь лошадей, но местный богач Алексей Карпович отбил у них и умчал на автомобиле.

Яблоков. И у нас хотели выпрягать, да я побоялся – заведут куда-нибудь в канаву. Про Алексея Карповича не слышал, но зато у нас местный миллионер Давыд Давыдович, наш приятель, покажет, черт возьми, как нужно чествовать артистов. Верно, почтмейстер?

Почтмейстер. Да, этот покажет! Надо бы за ним послать. (*Дарье.*) Сбегай за Бабиным.

Дарья. Он в саду. (*Уходит.*)

Яблоков (*поднимая бокал*). Господа, в нашем болоте, в нашем, так сказать, хлеву появился яркий солнечный луч... Ну, нет у меня слов... Одно: от всего сердца, – с приездом! Музыка!

Почтмейстер. Ура!

Музыкант вертит ручку органа, который издает весьма странные звуки.

Огнева. Боже мой, даже музыка. Я не могу, я сейчас заплачу. Я не ждала, что меня знают в таком медвежьем углу, так горячо любят. Ваш город – игрушка, прелесть... Как никто до сих пор не догадался приехать сюда на гастроли. Мне хочется как-то особенно вас поблагодарить.

Почтмейстер. Мы и так всем довольны.

Яблоков. Пожалуйста – рыбы, и еще винца.

Огнева. Я опьянею.

Яблоков. Вот удивительно, как это я проголодался. Что, почтмейстер, это тебе, брат, не каша. Вот так балык!

Огнева. Кушайте, милые мои, кушайте. (*Встает, отходит от стола.*) Как здесь хорошо. Боже мой, совсем, как из «Горя от ума».

Почтмейстер. А вы слышали рассказ – «Горе от ума наоборот»?

Яблоков. Молчи. Успеешь. (*Ест.*)

Огнева. Мы, бродячие артисты, только мечтаем об этих диванчиках, трогательных предках на стене; о цветных окошечках; наверно, в трубах здесь везде вороньи гнезда; смот-

рите, какие глупые колонки! Хочется прижаться к ней, закрыть глаза, и она расскажет прелестную задумчивую повесть: как построили этот дом и жизнь протекла здесь, точно в сказке, беспечно и немного грустно. И, быть может, у этой колонны, так же как я, стояла девушка в локонах, и изящном старинном платье и плакала, что все пройдет, все минет...

Яблоков. Вот Степан, то же самое, прижмется к шкафу какому-нибудь да как завоет.

Почтмейстер. А у нашего купца Штукатурова, знаете, вся обстановка в пароходном стиле «Самолет». Даже спасательные круги в столовой, – ей-богу, не вру...

Огнева (*возвращается к столу*). Простите, что я вас покинула, кушайте, друзья мои. Мне стало грустно. Вспомнились разочарования. Быть может, я создана для тихой жизни в таком доме, а вышло по-иному.

Пауза.

(*Дрожащим голосом.*) Почему нет с нами Степана?

Почтмейстер (*кашлянул*). Да, в самом деле, – куда он провалился?..

Яблоков. Надо же было ему как раз уехать в уезд по делам. Я телеграммы разослал во все концы. Двое верховых до сих пор скачут. К вечеру должен явиться. Страшный чудак, он еще сначала оденется с иголки, во фрак, и только тогда придет здороваться.

Огнева. Степан?.. Я совсем забыла его лицо.

Почтмейстер. Рыжеватый.

Яблоков. А давненько вы с ним не видались.

Огнева. Пять лет. Мы встретились в Москве, там и повенчались. И прожили только год. Он выдумал меня ревновать, это было так глупо. У нас всегда были странные отношения.

Яблоков. Нет, отчего же, ничуть не странные.

Огнева. Оставьте, очень даже странные.

Молчание.

Почтмейстер. Этот купец Штукатуров напечатал объявление: «Вновь открыты семейные бани. Мой девиз в полном смысле – пар и кипяток». Ей-богу, не вру.

Молчание.

Огнева. Он очень некрасиво поступил со мной.

Яблоков. Марья Петровна, он слегка со странностями... На вид чудак, даже меланхолик, но добрейший человек...

Почтмейстер. Как-то недавно понес такую чепуху, – мы так и легли... Но, в общем, умнейший человек.

Огнева. Все равно, я ничем не заслужила такого отношения. Это очень, очень обидно. Вы его друзья, вы должны ему объяснить, что нельзя мучить женщину столько лет.

Яблоков. А сам-то он как мучается: сядет у окна и смотрит на какую-нибудь вывеску или на фонарный столб, да так весь день и просидит.

Огнева. Тогда зачем было расходиться – странно! Кажется, мог пригласить побывать у себя. Как будто так легко самой навязываться. Передайте ему, что я хочу его видеть. Я

должна сообщить очень важную перемену в моей жизни. И прибавьте, я не навязываюсь, могу завтра же уехать.

Яблоков. И не подумаем, раньше трех дней не отпустим.

Из сада появляется Бабин.

Почтмейстер. Те же и он.

Огнева (*вскрикивает*). Кто? Кто?

Почтмейстер. Рекомендую: местный оригинал, богач и сердцеед, Давид Давыдович Бабин.

Огнева. Представьте, в первую минуту я подумала, что это Степан, так испугалась. Здравствуйте, я о вас уже наслышалась.

Бабин (*здоровается*). Здравствуйте. Что у вас тут – шампанское?

Яблоков. Наливай, и за здоровье жрицы искусства!..

Бабин. За мужа меня приняли, мало похож. А Степан где?

Яблоков. Я же тебе толковал, что он по делам...

Бабин. Так. Понимаю.

Огнева. В последнем письме он писал, что настолько занят, даже нет времени приехать повидаться.

Яблоков. У него одних неразобранных дел в канцелярии тысяча папок. Вот даже урваться не может отремонтировать дом. Извольте поглядеть, штукатурка отвалилась, dran-ки видны.

Огнева (*живо*). Разве это его дом?

Бабин. Гм.

Яблоков. А как же, в прошлом году купил за сорок две тысячи. А вдруг, говорит, жена приедет, нужно ее принять по-княжески.

Огнева. Значит – Степан богат?

Яблоков. Невероятно. Шесть тысяч десятин земли, спиртовой завод и две мельницы.

Огнева. Я ничего этого не знала. Богат?.. Свой дом... Почему же он никогда не присылал мне денег?

Почтмейстер. Действительно, почему же это он денег не присылал?

Бабин. Чудаки.

Яблоков. Да заложено все, Марья Петровна, сильно заложено, все заложено.

Почтмейстер. Разорен вдребезги.

Яблоков. Ну, как так разорен, чего ты болтаешь? Осталось, все-таки здорово осталось.

Огнева. Я ничего не пойму. Вы так меня взволновали. Все это мне знать гораздо важнее, чем вы думаете. Пожалуйста, друзья мои, сделайте, чтобы он пришел. Я чувствую, он где-то близко... Здесь какая-то тайна.

Яблоков. Ей-богу, честное слово, уехал, – я же сам положил в тележку жареных цыплят ему на дорогу.

Бабин. Митька, перестань! Наливай.

Яблоков. Действительно, господа, выпьем. Музыка!

Гармонист (*издав несколько звуков на органчике*). Дмитрий Иванович, он скрипит, совершенно неспособно.

Яблоков. Играй, тебе говорят!

Гармонист. Играй, играй. *(Внезапно хватил на гармони-ке камаринского.)*

Яблоков *(вскочив)*. Не то, не то! Марш.

Огнева. Что это? Боже мой.

Яблоков. Маленький род оркестра. Степан раньше держал настоящих музыкантов. Спились. Эх, русский народ!

Бабин *(ударив по столу)*. Пить! Давайте пить!

Яблоков *(Бабину на ухо)*. Ради Бога, легче, не наваливайся. *(Музыканту.)*. Марш играй, тебе говорят!

Почтмейстер. Люблю бесшабашную жизнь. Напьюсь, ей-богу.

Бабин. Пейте все.

Огнева. Господа, я пью, я пью... за... за что?.. У меня кружится голова, – какие перемены, как все странно... Еще не знаю – нужно ли мне все это: муж, семья, положение в городе. Я люблю театр. Всю жизнь кочевала по гостиницам... С чужими людьми... В чаду... Ведь тем только и живешь, что скоро все забывается – уколы, обиды, слезы. Ведь вы не знаете, как умеют некоторые обижать. Нет, нет, я что-то не про то говорю. Мне странно, что сегодня начинается совсем иная жизнь, спокойная, уверенная... Я хозяйка этого дома? Чудно... Или мне все еще жалко расстаться со свободой?..

Бабин. К черту бабью свободу. Помнить надо: коли любить, так любить до смерти. Вот и все.

Яблоков. Ты это к чему?

Бабин. К слову.

Огнева. Он медведь. Вы мне нравитесь. (*Бабину.*) Хотите дружить?

Бабин. Это как же дружить мы будем?

Огнева (*смеется*). Господа, вы все такие милые. Примите меня в нашу семью.

Яблоков Вы-то нас к себе примите, – без искусства мы, можно сказать, шерстью обросли.

Почтмейстер. Именно, запсели. Извиняюсь.

Бабин. Дружить так дружить. Почтмейстер, беги ко мне, вели заложить тройку. Ящик с шампанским в ноги. Едем!

Почтмейстер. Лечу... (*Уходит.*)

Огнева. Не знаю, ехать или не ехать?..

Бабин. В степь, на хутор. Цыган найдем. Всю ночь песни. Вот жизнь!

Огнева. Ну, пусть сегодня будет мой последний день. Сегодня в последний раз я – Маша Огнева. На тройке, в степь, как сумасшедшие. (*Другим тоном.*) Вы меня напоили. Я говорю глупости.

Бабин. Марья Петровна, вам тоже деться некуда. Давайте вместе, как бобыли, разматаем это вот постылое – от чего больно. Вы не бойтесь, если невзначай и обижу. У меня здесь все оторвалось. Денег много. (*Подходит с бокалом.*) Давайте брудершафт!..

Огнева. Нет, не хочу... Он меня не понял.

Яблоков (*Бабину*). Послушай, Марья Петровна до смер-

ти спать хочет, а ты нахальничаешь.

Огнева. Мне надоело – не успеешь приехать в город, сейчас же начинаются приставанья, тройки, рестораны. Вы все должны помнить, что я жена вашего друга. *(Берет бокал.)* А от всех шампанских у меня седые волосы появились. Я больше не хочу. *(Бросает бокал на пол.)* Нужно было сразу вам сказать. Я бросила сцену и приехала к мужу навсегда.

Яблоков *(в ужасе)*. Что вы говорите!.. Навсегда?!

Бабин *(смеется)*. Ай да Митя, ай да лысый... Попался, кто кусался!..

Яблоков. Нет, вы приехали на три дня. Дольше здесь оставаться нельзя.

Огнева. Почему?

Яблоков. Нельзя. Понимаете, невозможно!

Огнева. Понимаю: Степан до сих пор не может мне простить. Так объясните же ему, – я не виновата. Я даже ничего не помню, не знаю, как это случилось. Кажется, я вошла в уборную, там сидел какой-то знакомый. Ну, как-то случайно поехали ужинать. Вот и все. Господи, но ведь я актриса, я женщина... Могу же я быть виновата. Приведите его... Я хочу просить прощенья.

Яблоков. Вы лучше, Марья Петровна, потом как-нибудь приедете.

Огнева. В чем дело? Слушайте... Я хочу его видеть. Если он не явится, я прокляну. Я отомщу. Я руки на себя наложу...

Бабин. Наплевать на него. Едем на хутор. *(Хватает ее за руки.)* Оба несчастные. Ну и черт с нами! Гулять так гулять!

Огнева. Пустите меня, это ужасно!

Бабин. Некоторые меня хуже зверя считают. А я как вот лягушка растоптанная... Ах, Огнева... *(Целует ей руки.)*

Огнева. Как вам не стыдно... Пустите... Я не хочу...

Яблоков. Батюшки, ерунда пошла.

Огнева. Пустите же, вы нахал! *(Вырывает руки.)*

Хомутов выходит из двери, стоит, глядя на жену.

Огнева. Ты... Здесь...

Хомутов *(глухим, отчаянным голосом).* Маша... *(Качается и вдруг падает на пол.)*

Яблоков. Это сейчас пройдет... Это у него от голода... Воды, воды дайте!..

Бабин. Умора! *(Хохочет.)*

Занавес

Действие третье

Там же. Закат. Хомутов в кресле, подперев голову, смотрит на жену. Она у стола. Поодаль на диване Яблоков.

Огнева (*мужу*). Быть может, вы ответите хотя бы на главные вопросы. Положение женщины, которая ничего ровно не понимает, более чем странное. Для чего вы прятались за дверью?

Хомутов. Я слушал... Я не мог...

Яблоков (*ворчит*). Ничего он не делает как люди, все у него наизусть.

Огнева. Почему вы во фраке? Где вы служите?

Хомутов. Прости, это выше моих сил...

Яблоков. Да мировой судья он.

Огнева (*недоброжелательно*). Что?

Яблоков. Должность почетная, занят по горло...

Огнева. Чей это дом?

Яблоков. Его. Заложен.

Огнева. Объясните, пожалуйста, что за личности ваши друзья?

Яблоков (*не громко*). Так!

Хомутов. Митя мне друг. Но вот отношение мое к тебе он понимает поверхностно.

Огнева. У вас есть именье, завод, мельница?

Хомутов. Машенька, зачем тебе все это знать?

Огнева. Зачем мне интересоваться вашим материальным положением, хотите сказать... Я получаю, Степан Александрович, в театре полтора ста рублей, на своих туалетах. И работаю, как водовозная кляча. Вот прошлой весной меня заставили привидение играть. И, когда проваливалась, так треснулась головой об люк, что этого люка вам никогда не забуду.

Хомутов поднимается.

Да станьте, пожалуйста, и стойте. С вокзала пешком с чемоданом по осенней грязи вы никогда не ходили? А рожать в гостинице вы пробовали? А знаете, сколько стоит пара панталон для офицерского фарса? Благодарю вас, вы очень были расточительны... Я не знала, куда деваться от вашей щедрости...

Хомутов. Я не мог... Ты поймешь когда-нибудь... Больше ничего не могу сказать...

Пауза.

Огнева. Вы писали мне двусмысленные письма... Я надеялась... Вы подлец...

Хомутов закрывает лицо руками.

Яблоков. Будет вам ссориться, господа.

Хомутов (*дрогнувшим голосом*). Прости меня за проклятую, за несчастную любовь.

Огнева. Не ломайте рук. Не кривляйтесь. (*Решительно.*) Я хочу знать всю правду.

Хомутов. Всю правду? Митя?

Яблоков. Ты бы, Степа, прошелся по саду. Соберись с мыслями.

Хомутов. Маша, я прожил гнусную жизнь. Я малодушный, ничтожный человек. Но я хочу, понимаешь, чтобы конец этой муки был прекрасный, я хочу тебе дать хотя бы три дня счастья. Я понял это сегодня ночью. Ты, бездомная бедняжка, отдохни здесь несколько дней, проживи их тихо, светло. Ты актриса, ты можешь себе все представить. Не все ли равно, если нет у нас ничего, можно все это выдумать, только бы любить друг друга... Представь, что ты видишь сон...

Огнева (*с досадой и слезами*). Как это все непонятно... Ничего не понимаю...

Яблоков усиленно старается показать Огневой, что у Степана голова не в порядке.

Хомутов. Ты уедешь и когда-нибудь, в тоске, в бедности, в горе, вдруг вспомнишь эти три дня, и вся жизнь твоя осветится...

Огнева. Но почему вы все время говорите про какие-то три дня? Я же вам ясно сказала, что бросила сцену навсегда? Вы заставляете меня самой навязываться... Черт знает что...

Хомутов. Счастье коротко, что три дня, что три года, что мгновение.

Огнева (*затыкая уши*). Говорите, прошу вас, по-человечески!

Хомутов. Митя, что нам делать? Придумай... Так же

нельзя.

Яблоков (*сморкается*). Ну вас тут совсем!

Огнева. Что это за напыщенные разговоры. У меня кружится голова от них. И вы, и вы, и ваш этот почтмейстер, что за типы? Как червяки извиваетесь. Я ничего не хочу «представлять», я, слава Богу, не на сцене. Этот дом мой, или я здесь чужая?

Хомутов (*пьет воду*). Да, да, ты права, конечно.

Огнева. Вы лжете или трусите? Я хочу знать правду! Слышите...

Входит Дарья, зажигает лампы.

Я не могу никуда ехать, никуда поступить, потому что продала все платья и костюмы, а деньги проиграла в вагоне. У меня осталось шесть рублей тридцать копеек. (*Достает из сумочки и показывает.*) Вот, если не верите.

Яблоков. Покажите-ка. Действительно.

Хомутов. Маша, только не падай духом. Говори, говори все до конца.

Огнева. Домнушка, подите сюда.

Дарья. Аюшки. Иду, иду, матушка.

Огнева. Вот шесть рублей тридцать копеек. Это вам на чай.

Яблоков. С ума сошла!

Дарья. Спасибо. Дай Бог тебе здоровья, пожалела старуху.

Огнева. Поди и позови сюда барышню.

Яблоков. Зачем?

Огнева. Скажи, что я очень прошу, именно сейчас.

Дарья. Уж не знаю, как к барышне и подступиться...

(Уходит.)

Огнева *(мужу)*. Не бойтесь, мой друг. Мы с ней поговорим, как женщины. Иногда рублище и слезы бывают краше гордости. А у вас я ничего не прошу, ни жалости, ни любви.

(Идет к балкону.)

Хомутов. Маша... Ты ужасно ошибаешься.

Огнева *(в дверях)*. Когда я смотрела в окно вагона на поля и телеграфные столбы и поезд приближался к этому городу – неожиданно и совсем глупо начало замирать сердце, как у девочки. Вот и все, этим все кончилось. Ночь, звезды, глупое сердце. Трудно представить, что в такую ночь нужно закутаться в платок и уйти одной... Куда?.. Зачем?.. *(Медленно уходит на балкон.)*

Пауза.

Яблоков. Нелепый ты человек... Даже врать не умеешь!

Хомутов. Митя, ты сам видишь... Так дальше нельзя...

Непереносимо. Я должен рассказать Маше все, все...

Яблоков. Попробуй! Скажи. Она с отчаяния черт знает что натворит. Руки на себя наложит.

Хомутов. Ей нужно почувствовать, как я ее люблю. Я должен сделать что-то героическое.

Яблоков. Надо достать тысячу рублей. *(Грызет ногти.)*

Хомутов. Тебе бы только деньги, деньги. Маше нужна ве-

ликакая любовь, а не жалкая тысяча рублей...

Яблоков. Ты какой-то Дон-Кихот, просто дурак... Придумал! Достану у Давыда Давыдовича. Хочешь пари на полтинник?

Хомутов. У Давыда Давыдовича. *(С внезапным подъемом.)* Вот кого я должен уничтожить. Он не смел хватать Машу за руки! Я знаю – такие, как он, Машу оскорбляли всю жизнь! Для этих богачей для бессовестных она фарсы должна была играть! От таких рожала в гостинице... Я, я избавлю ее от этого унижения.

Яблоков. Замолчи ты, неврастеник...

Хомутов. Теперь я знаю, что мне делать.

Яблоков *(хватает его за руку, увлекает к столу, сажает на стул).* Степан, Степа. Иди. Садись. Ешь, пей. *(Суетится.)*

Хомутов. Пусти, не хочу!

Яблоков. Ешь телятину. На сардинку. Пей. Это у тебя от голода.

Хомутов *(падает головой на стол).* Митя, Митя, как я ужасно виноват...

Яблоков. Ничего – обойдется. Ты, главное, на меня ложись. У меня предчувствие такое, что все обойдется. Уж слишком скверно. Хуже некуда, значит должно быть лучше.

Хомутов. Нет, убить его, убить... И самому умереть... Она поверит, тогда поверит...

Яблоков. Перестань. Выпей беленького.

Входит Наташа.

Наташа. Вы меня звали?

Яблоков. Наташенька, ведь я вам услужил?

Наташа. Ну?

Яблоков. Ангел мой, выручайте. Мы попали в отчаянное положение: Марья Петровна подозревает Степана и вас.

Наташа. В чем?

Яблоков. Фигли-мигли.

Наташа. Какая чепуха!..

Яблоков. В том-то и дело, что разуверить ее невозможно... Или – все раскрыть, но тогда она руки на себя наложит. И при всем том Степан настроен героически.

Наташа. Как странно, Дарья сказала, что Марья Петровна очень весело настроена, – будто бы даже собралась с Давыдовичем на тройке.

Яблоков. Послала за вами, хочет говорить. На коленях умоляю – представьте нас в самом лучшем виде. Сейчас ее приведу. (*Спешит к балконной двери.*)

Наташа. Не понимаю, зачем нужен этот разговор.

Хомутов. Наташа, вы чистая и счастливая девушка, вы найдете слова убедить Машу, как я люблю и не смею, не могу ей этого сказать.

Наташа. Ну, нет, о любви не умею и не буду разговаривать... Любовь – мучительство какое-то... Фу!

Хомутов. Любви нужна жертва. А я провалялся пять лет на боку. Любовь приходит к сильным и мужественным толь-

ко.

Входят Огнева и Яблоков.

Яблоков. Она с придурью, вы осторожнее.

Огнева (*стремительно подходит к Наташе, берег ее за руки.*) Наташа, я хотела с вами говорить. Мы обе женщины. Вы юная, милая, цветущая. Дай Бог вам большого долгого счастья. Верьте мне – я люблю вас, как сестру. Пусть к вам не закрадется даже капелька сомнения. Я глупая, легкомысленная, не нужная никому баба. Кукушка без гнезда... (*Оборвала, прикрыла глаза ладонью.*)

Хомутов. Ужасно – мучиться и не уметь выразить...

Яблоков. Молчи. Терпи.

Наташа. О чем вы плачете? Перестаньте.

Огнева. Я ничего не прошу у вас. Но мне страшно уходить ночью одной в платочке...

Наташа. Уверяю вас – вы ошибаетесь. Никто вас отсюда не гонит, и вы ничего не понимаете.

Огнева. Нет, нет, нет... Я не могу больше лжи. Когда-нибудь вы поймете, как трудно мне сейчас просить у вас. Я с ума схожу от страха. Мне бы только до осени прожить... Потом спишусь с провинцией и уеду.

Наташа (*почти с гневом*). Поймите же, так нельзя! (*Бросилась в кресло, закрылась руками, даже ножкой топнула.*) Как вы смеете так унижаться! Боже мой, не смеете!.. Не смеете!

Огнева (*растерянно*). Я же не собираюсь ревновать... Я

только прошу сдать мне комнату наверху, до осени, с пансионом... Я заплачу когда-нибудь...

Наташа (*с гневом Хомутову*). Вы ничтожный, отвратительный человек! Убирайтесь отсюда... (*Яблокову*.) Все это вы придумали! Глупо. Жестоко. (*Огневой*.) Они вас обманывают, вы ничего не видите. Все это омерзительный маскарад... Ваш муж нищий, а это мой дом, а не их... Поняли наконец?

Яблоков. Эх, бабы!

Огнева. Что вы сказали?.. Нищий?

Яблоков. Да шутит. (*Махнув рукой, отошел к дверям*.)

Огнева (*мужу*). Отвечайте...

Хомутов. Все это правда...

Огнева. Что все? А этот дом?

Хомутов. Ничего у меня нет. Нигде не служу. Нищий.

Яблоков. Фу! Ерунда какая! (*Ушел в сад*.)

Огнева. Это, конечно, опять шутка? Да?

Хомутов. Мы, Маша, хотели хоть на три дня увести тебя из этой жалкой, нищей жизни... Мы обманули, но мы хотели роскошного обмана... Не вышло...

Огнева. Что же мне теперь делать?.. Я надеялась, я думала, у меня дом, когда станет не под силу, поеду к мужу отдыхать, забывать все кошмары... Но это слишком ужасно... А ваш фрак?.. Маскарад? Издевательство? Почему вы молчите?.. Мне страшно! Ах, значит, вот как вы мне отомстили за прошлое? А вам известно, в какие я положения попадала?

Хомутов. Не понимает, не понимает...

Огнева. Вы отомстили мелко и подло.

Хомутов. Маша, не мщу... Люблю...

Огнева. Любит... Влюблен! (*Зло смеется.*) А хотите, покажу карточки моих поклонников?.. У меня наверху целый чемодан. Купцы, военные, студенты...

Наташа (*поспешно встала, пошла к дверям*). Я буду неподалеку. Когда вы кончите, приду... (*Ушла.*)

Огнева. Я еще не то могу порассказать... Все разбегутся... Я вашей честью очень мало дорожила... Я и здесь поклонника себе заведу, будьте покойны...

Хомутов. Маша, ты лжешь на себя.

Огнева. Я ненавижу вас... Боже мой, никого, никого, никого... (*Садится.*)

Хомутов. У нас есть комнатка, у почтмейстера. Ты могла бы там пожить...

Пауза.

Огнева. В Баку у меня был поклонник – грек. Отвратительный, черномазый.

Пауза.

Хомутов. Тебя люблю только я один, больше никто.

Огнева. Благодарю вас...

Хомутов. Люблю я, и больше никто.

Огнева (*жалобно*). В жизни не была занята в более пошлом фарсе...

Входит Бабин.

Бабин. Лошади готовы. (*Всмотревшись.*) Сейчас поедем?.. Али отложим... Как хотите...

Огнева. Давыд Давыдович.

Бабин. Что прикажете?

Огнева. Увезите меня...

Хомутов (*подходя к Бабинцу*). Вон!..

Бабин. Что?

Хомутов. Вон отсюда. Не смеешь с ней разговаривать.

Бабин. Не трогай меня сейчас, Степан Александрович.

Хомутов. Ты мой враг... Я тебя убью...

Огнева (*мужу*). Что это за мука! Убирайтесь! Чтобы я вас не видела больше.

Хомутов (*глядя ей в глаза*). Я уйду. Но я вернусь, Маша. Я тебе докажу. (*Уходит.*)

Бабин. Не долго с ним полюбезничали.

Огнева. Представьте – нищий! И разыгрывал пошлейший фарс. Отомстил! Но я их вывела на свежую воду.

Бабин. Хорошо теперь цыган послушать! Степных, кочевых. Они понимают тоску настоящую. (*Пьет вино.*) За тоску, Марья Петровна.

Огнева. Послушайте, вы, должно быть, чуткий, отзывчивый человек.

Бабин. Мужик в высшей степени несуразный.

Огнева. Не скромничайте. Вы любите искусство?

Бабин. Стихи читаю. Да, стихи люблю. Пушкина подарила мне прошлой весной Наталья... А к чему вам это знать?

Огнева. По-моему, вы должны любить театр. В вас есть что-то артистическое. Я хотела посоветоваться. У меня большое горе. На железной дороге пропал мой сундук со всеми туалетами, и там же лежали деньги. Я в ужасном положении! В чем я буду играть? Ах, я не могу дня прожить без театра. Сцена моя жизнь. Запах кулис, огни, гул зрительного зала, аплодисменты, цветы... Я всего этого теперь лишена. (*Поднесла платок к глазам.*) Завтра же я бы уехала из вашего медвежьего угла. Давыд Давыдович, хотите быть моим антрепренером?

Бабин. Нет, мне сейчас не до смеху, Марья Петровна.

Огнева. Ах, русские всегда удивительно неподвижны! В Баку один грек антрепренер предлагал мне двести рублей за выход. Я отказалась. Как хотите, конечно. Тогда мы так сделаем. Давыд Давыдович, я вам выдам вексель, а вы мне дадите тысячу рублей...

Бабин. Опять вексель? Не-ет. Мне так не нравится.

Огнева. Что вам не нравится?

Бабин. Егозливо разговариваете.

Огнева. Егозливо?

Бабин. Вот как по моему характеру нужно сейчас: либо в воду головой, либо такой разгул, чтобы себя забыть.

Незаметно появляется Наташа.

Тоска у меня такая черная, такая окаянная! Провались все на этом месте! Сначала было подумал, мы с вами товарищи... Эх... Прощайте.

Огнева (*схватила его за руку*). Нет, не уходите.

Бабин. Пустите рукав.

Огнева (*тихо*). Возьмите меня, ну хоть в конторщицы.

(*Тихо.*) Делайте что хотите.

Пауза, он смотрит на нее.

Бабин. Но ведь это значит... дальше идти некуда!

Огнева. Да, некуда.

Бабин (*внезапно увидал Наташу, неподвижно стоящую в дверях*). Сейчас принесу деньги, подождите, Марья Петровна.

Ушел. Огнева медленно оборачивается и тоже видит Наташу.

Огнева. Вечные беспорядки у нас на железных дорогах. Ужасно неудобно! Приходится прибегать к любезности...

Наташа (*стремительно подходит к ней, обнимает*). Молчите!

Огнева громко заплакала.

Занавес

Действие четвертое

Раннее утро. Сад. Налево балкон. Направо скамейка. Яблоков и почтмейстер сидят и курят. По мере действия встает солнце, расходуется туман, запевают птицы, начинает куковать кукушка.

Почтмейстер. Что касается меня, то я начну ухаживать за Анюткой. У нее скверный характер, но в высшей степени чувственный.

Яблоков. Пошляк.

Почтмейстер. Пошлого в моей жизни одно, – только то, что я почтмейстер. Во всем же остальном – натура незаурядная.

Яблоков. Солнце встало. Кукушка кричит. Вот тебе и по-праздновали. И все из-за того, что не могут они попросту: ешь, пей, веселись. Непременно им нужно выяснять отношения. Будто бы не все равно, правду я говорю или вру. В жизни все относительно. Все правда, и все неправда.

Почтмейстер. Самое главное в жизни – половой вопрос.

Яблоков. Летели бы сейчас на тройках в степи. Под козлами ящик с шампанским. Лица счастливые. Впереди перспективы. Эх! Все кричат – Яблоков врет, Яблоков выдумывает. Извините, Яблоков прежде всего философ. Что нам хочется выдумать, то и есть на самом деле. Я представлю, например, что у меня в кармане тысяча рублей, и у меня подь-

ем духа. Говорят: существует Америка, а ты ее видел? Я тоже не видал, а знаю, потому что мне хочется, чтобы была эта самая Америка.

Почтмейстер. Эта философия называется буддизм. А жизнь есть проклятая несправедливость. Например: мне бы надо было служить офицером... И фамилия моя была бы – граф Олсуфьев... Пойдем спать.

Яблоков. Хорошо бы водочки сейчас под яишницу.

Быстро входит Хомутов.

Хомутов (*показывает на дом*). Он там?

Яблоков. Ты куда?

Хомутов. Он там, я спрашиваю? (*Заглядывает в балконную дверь.*) Где Давыд Давыдович?

Яблоков. Я почем знаю.

Хомутов. Скрывается! Вы его прячете!

Яблоков. Что у тебя за вид, скажи, пожалуйста?

Хомутов. Хорошо. Я буду его ждать здесь.

Почтмейстер. Давыд Давыдович домой пошел, ей-богу не вру.

Хомутов. Он пошел спать? Прекрасно. (*Быстро уходит направо.*)

Яблоков. Степан, постой... Куда?

Хомутов скрывается.

Почтмейстер, видел – какие у него глаза? Идем за ним.

Почтмейстер. Нет, извините. Достаточно развлечений.

Яблоков. Трус, вот ты кто. Беги по крайней мере к воро-

там, если Давыд Давыдович с той стороны вернется – предупреди, чтобы со Степаном ни в каком случае не встречался. Вот еще беды не бывало... (*Спешит вслед Хомутову.*)

Почтмейстер. Извиняюсь, у меня и без того психология испорчена. (*Закуривает.*) «Папиросочка, мой друг, ты меня пленяешь, мечты навеваешь, люблю тебя всей душой, страстно всей душой...»

*Идет налево, мимо балкона, на котором появляются **Наташа** и **Огнева**, зябко закутанная в платок.*

Наташа. Вы что тут ходите?

Почтмейстер. Приходил сообщить насчет тройки, но так как развлечения неожиданно прекратились – иду к себе почитать. (*Огневой.*) Благодарю за приятно проведенное время. Всегда готов к услугам – почтмейстер Шавердов. Счастливых снов. (*Уходит.*)

Наташа. Светло.

Огнева. Как вы думаете, Давыд Давыдович принесет денег?

Наташа. Не знаю... Пойдемте купаться...

Огнева. Сыро.

Наташа. Принесет... не волнуйтесь...

Огнева. Вы уверены?.. Все сейчас на волоске. И так всю жизнь... Принесет? Он обаятельный человек, я сразу поняла... Я верну ему долг до Рождества, гораздо раньше, чем до Рождества... У таких, на первый взгляд грубых, – я знаю, – отзывчивое, бесконечно нежное сердце...

Наташа. Вы находите – у него нежное сердце?

Огнева. Я сразу почувствовала: это редкий, удивительный тип – герой любовник. Поверьте моей опытности – такие люди любят страстно, один раз на всю жизнь.

Наташа (*неожиданно завертелась*). Так вы в этом уверены? Знаете – мне часто снится сон, будто я лечу высоко, до самых облаков. Мне легко, прохладно, кружится голова, и сердце часто, часто бьется. И чувствую – я лечу оттого, что это любовь.

Огнева. Милочка, какая вы еще девочка. Ах, лишь бы чувствовать, что на земле, среди множества, множества людей есть родной человек... Он простит и пожалеет.

Наташа. Ну нет, – никакой жалости.

Огнева (*прислоняясь головой к балюстраде*). Когда увидишь, что земля велика, людей на ней много, страдаешь-ся, прольешь немало слез – тогда станет ясно, что жить нам всем очень недолго и не с чего быть заносчивой. Любовь – как нам она нужна! Вот тот же Давид Давыдович – сильный и молодой, а я чувствую – у него какое-то страшное горе, точно он каждую минуту на шаг от гибели.

Наташа. Какое же у него может быть горе?

Огнева. Давеча он так мне сжал руки, так уверял, что мы пойдем друг друга, – я поняла: он любит, мучается – безнадежно.

Наташа (*резко*). Откуда это вы решили: безнадежно?..

Огнева. В глазах его прочла отчаяние. (*Почти теат-*

рально.) Над жизнью занесен кинжал...

Наташа. Решили, конечно, что в вас влюбился?..

Огнева. В меня?

Пауза.

Деточка моя, я уж давно так не решаю... Давно ни на что не надеюсь... Участие, нежность – даже и во сне не снятся... Хотя при незнакомых мужчинах все еще притворяюсь. Ах, как я устала, как устала...

Наташа. И не жалко, и никогда не пойму этих настроений... Денег нет – вздор: будут... Одиночество – тоже вздор, – у вас муж...

Огнева. Муж... Какой-то одержимый... Он алкоголик, по-моему... Непонятный... Боюсь его... Если бы не вы, душечка, я бы не пережила этого дикого кошмара: надругаться над женщиной, попавшей в отчаянное положение... Нет, нет... Принесут денег, вечером – в поезд, и – забыть и спать... Проснуться далеко, далеко, – в окне мелькают телеграфные столбы... Степи, жаворонки – и слезы... Где-нибудь – счастье, хоть на мгновение...

Наташа. Фу... Какая духота... Вы купаться пойдете или нет? (*Отошла, оглянулась.*) Чего вам нужно? Чтобы жалели... Так если кто по-настоящему жалеет и любит вас до отчаяния, так это Степан Александрович... (*Ушла.*)

Огнева. Что вы сказали? Наташа... (*Спешит за ней.*) Подождите, Наташа... Я не расслышала... (*Уходит.*)

На балконе появляется Дарья. Зевает громко.

Дарья. Зеваю и зеваю – должно быть, к дождю. (*Кричит в сад.*) Барышня! Ставить самовар-то?

Голос Наташи. Да, ставь.

Дарья. И спать не ложились. Вот делать-то людям нечего...

Появляются Бабин и Яблоков.

Бабин. Отстань, отстань от меня...

Яблоков. За что ты меня толкнул? Я тебя спасаю, а ты дерешься. Бешеный мужик.

Бабин. Я еще тебя наизнанку выверну. (*Дарье.*) Баба, где Марья Петровна?

Яблоков. Поди скажи ей, – деньги, мол, принесли.

Дарья. Деньги? Сейчас сбегаю. (*Уходит.*)

Яблоков. Я тебе толкую – у Степана револьвер Смит и Вессон.

Бабин. А мне какое дело?

Яблоков. Ведь он же тебя убьет.

Бабин. Ну и пускай убивает. Наплевать. А вот ты почувал деньги – и лезешь ко мне и крутишься, как дьявол.

Яблоков. Начихал я на твои деньги.

Бабин. А хочешь – дам тысячу рублей? Поехал бы ты в Москву, купил новую шляпу, закатился в ресторан, портсигар бы завел серебряный. Ну, стань на лапы...

Яблоков. Какая ты все-таки свинья! Слушай, здесь тебе, ей-богу, опасно оставаться. Вот, кажется, кто-то идет. Ты деньги дай мне, а я их передам Марье Петровне. А сам ухо-

ди... Давай!..

Бабин (*показывает*). Вот они. И бумажник новенький.

Яблоков. Нет... А как же Марья Петровна? Слушай... Вот что... Я не милостыню прошу. Как только в железку сыграю – отдам.

Бабин (*бросает бумажник на землю*). Подними.

Яблоков (*оглядывается – не видит ли кто*). Ну, если подниму?

Бабин. Твои!

Яблоков наклоняется, Бабин придерживает бумажник ногой.

Яблоков. А ты не держи ногой.

Бабин. Поцелуй сапог – отпущу.

Яблоков. Давыд, зачем ты меня обижаешь?.. Ведь у меня немного, но осталось все-таки гордости... Конечно – поцелую.

Бабин. Злейший ты мой враг, Митька. Хуже чем обидел меня – уничтожил. Проходимец! Была бы охота – я бы тебя растоптал. Не хватайся за ногу, поди прочь... (*Толкает его.*)

Яблоков (*кричит*). Ну, топчи, топчи, топчи!..

Входит Хомутов.

Хомутов (*Бабину.*) Встань!

Яблоков (*вскрикивает*). Степа!.. Ради Бога...

Бабин. Нет. Я посижу.

Хомутов. Знаешь, для чего тебя ищу?

Бабин. Знаю. Вон он у тебя торчит из кармана.

Яблоков. Господа, честное слово, не надо.

Хомутов. Я должен тебя убить...

Бабин. Ну, убивай.

Яблоков. Господа, господа, постойте...

Хомутов. Ты оскорбил мою жену. Ты всем сделал зло. Ты и сейчас издеваешься.

Яблоков. Степа...

Бабин (*Хомутову*). Не лопочи. Боишься, что ли? Зачем пришел, то и делай.

Сзади за дверьми незаметно появляются Наташа и Огнева.

Хомутов. Машинной руки нельзя коснуться безнаказанно, ты понял? Грязной мысли не должно быть о моей Маше...

Яблоков. Степан, я вас помирю. Давыд Давыдович принес Марье Петровне деньги, тысячу рублей... (*Показывает бумажник.*)

Хомутов (*Бабину*). Ты еще и деньги предлагаешь моей жене!.. Подлец!

Бабин. Предлагаю...

Хомутов. Стой... (*Вынимает из кармана револьвер.*)

Бабин. Подожди... Подожди... (*Вздыхнул.*) Стреляй.

В это время Огнева закричала, а Наташа бросилась к Хомутову. Раздался выстрел. Бабин покачнулся... отер со лба пот.

Хомутов (*закрывая лицо*). Ах!.. Кончено!

Наташа. Отдайте сию минуту!.. (*Отнимает у Хомутова*

револьвер)

Яблоков. Мимо! Ура!

Бабин (*Хомутову*). Все, что ли?

Яблоков. Все, все, больше ничего не будет. Уходи...

Бабин идет к дверям.

Наташа (*догоняет его*). Не ранены?

Бабин. Да нет...

Наташа. Слушайте, вы ничего, совершенно ничего не поняли.

Бабин. Это верно... У меня, Наталья Владимировна, все пámорки отшибло.

Наташа. Пámорки... Идите сюда...

Они уходят в сад.

Огнева (*Хомутову*). Этот выстрел не бутафорский? Нет? Зачем вы стреляли, зачем?

Хомутов. Промахнулся... И тут не смог...

Яблоков. Умнее ничего не придумал... Эх ты, Кутузов.
(*Скрывается, пряча бумажник.*)

Огнева. Для чего ты это сделал? Объясни мне, Степан!

Хомутов. Я люблю тебя.

Огнева. Ты это сделал из-за меня?.. Неужели – для меня?.. Только из-за того, что меня обидели?.. Ты хотел убить?.. Пожалел?

Хомутов. Я всякого убью, кто посмеет тебя обидеть...
Всех обидчиков... Перестреляю...

Огнева. Ты не смеешься!.. (*Заглядывает в глаза.*) Нет,

сейчас ты не можешь смеяться... Степан, да знаешь ли, что ты для меня сделал! *(Схватив его за руки, повышенно.)* Ты вернул мне жизнь!..

Хомутов. Я падший человек. Да. Но я поднимусь. Да... Я должен жить для тебя. Да. Так жить, чтобы ни одной слезинки твоей не упало.

Огнева *(увлекая его на скамью).* Говори, говори. Ты не понимаешь – какой в тебе погибает талант... Говори обо мне... О любви...

Хомутов. Маша, ты самая изумительная женщина в мире.

Огнева. Этого мне никто не говорил. Ты, первый, понял меня. Девушкой я была мечтательная. Чудилась слава, любовь... Ведь это можно вернуть?.. Еще не поздно? Степан, мне хочется, чтобы ты хорошенько понял: я была невинной, чистенькой... Тяжелые годы минули, все – сон, правда? Для тебя – я изумительная. Мы будем жить... Степан, ты пойдешь на сцену. Я сделаю из тебя гениального актера. Провинция... Ростов-на-Дону... Баку... Тифлис... Три сезона... Потом гастроли. Потом – подписываем в Москву. О, как мы будем играть! Ты выше Мамонта Дальского...

Хомутов. Маша, за что мне это? Повернись... Взгляни... Ты ангел...

Огнева. Мне хочется плакать от счастья. Постой... Кукушка... *(Считает.)* Раз... Два... Три...

Дарья *(вносит самовар, ставит на стол).* Самовар подали... Барышня, чай весь вышел, в лавку надо сбегать... Ба-

рышня-а!

Наташа (*появляется из сада, волосы слегка в беспорядке, щеки красные*). Что, чай?

*За ней появляется **Бабин**, радостно насуплен, морщит нос.*

Дарья. Чаю нету...

Наташа. А! Ну, все равно... Давыд Давыдович, хотите чаю?

Бабин. Чего?

Дарья. Барышня, да вы не в своем уме...

Наташа. Убирайся, поди принеси варенья...

Бабин. Я сбегаяю... Наташа...

Наташа (*глядя на него, морщась от смеха*). Я сбегаяю...
Паморки... (*Звонко захохотала.*)

Бабин поднял брови, ахнул, захохотал.

Огнева. Наташа, мне кукушка накуковала пять лет.

Наташа. Так мало? Нам больше...

Хомутов. Давыд Давыдович, прости.

Бабин. Какое прости... Вали в меня хоть из пушки, сто раз!

Огнева. Ах, я бы хотела обнять все небо...

Хомутов. Маша, с чего мы начнем?

Огнева. Сегодня же начнем проходить Отелло.

Яблоков (*входит с бумажником в руке*). Так... Самовар... Помирились... Во всех случаях жизни нужно поставить самовар, тогда все станет понятно.

На него никто не обращает внимания.

Марья Петровна... Давыд Давыдович... Я вот тут во время суматохи захватил бумажник... Все-таки я не подлец... Сто рублей и удержал на законном основании, как свой гонорар... Именно... Сутки не спавши, за сто рублей, – вы найдите другого – с вами возиться... Да еще и били в ту же цену...

Ему никто не возражает.

Ну, остальные – девятьсот – возвращаю. (*Кладет бумажник на стол.*) Пересчитайте... И вообще никакой благодарности и ничего такого не надо...

Почтмейстер (*внезапно появляясь*). Господа, получена невероятная телеграмма...

Все. Что? Что такое?

Почтмейстер. Вот: «М. П. Огневой. Иркутск».

Яблоков. Да врет он, ходит и врет.

Почтмейстер. На этот раз... (*Помуслил палец, показал.*) Обсоси гвоздок... Не вру – читай сам...

Огнева (*читает*). «Иркутск. Предлагаем сезон. Двести пятьдесят. Два бенефиса»... Друзья мои, два бенефиса!..

Занавес